

Уланова Галина Сергеевна 28.08.-4.02
97

Моск. молодости. - 1996. - 28 авг. - Четверг. - с. 41

АЛЬБОМ ЮРИЯ РОСТА

Время – мера движения.

В общем смысле это понятно каждому: стоит тебе прекратить карябание ручкой по бумаге, перестать пахать или строгать или застыть в восхищении перед оратором (или проповедником), застопорившем шестеренки в твоей голове идеей, не требующей осмыслиения, а только принятия внутрь на манер пирамидона, – и готово, время остановилось.

И теперь ты вечен, словно идея вечного двигателя, и столь же бесполезен.

Другими словами – мертв (хоть и дышишь).

Двигаться, впрочем, можно не сходя с места (рабочего), можно думать и любить.

Все засчитывается.

«Не отрываясь, я лечу. Бегу, не двигая ногами», – писал поэт и воздухоплаватель. ... Это когда же было? Это было совсем недавно. Во всяком случае я помню Галину Сергеевну Уланову на сцене. Просто-таки на сцене Большого театра мы были вместе: я с фотоаппаратом, она – с царственной осанкой. Мне хотелось снять без притворства. Для Улановой высокое притворство, то есть претворение, то есть искусство, было смыслом жизни. Или смыслом жизни для нее было то, что меряет время? В нашем случае это одно и то же, ибо ее искусством было движение.

Значит, время стало мерой искусства Улановой.

Балетный театр, как театр вообще, не существует ни до, ни после действия. Плоская бумага, заполненная воспоминаниями, и плоский экран бессильны запечатлеть для незрителей трехмерный мир сцены. Но будь некая голограммическая хитрость, все равно – мимо. Ибо великий актер обладает талантом четвертого измерения. Сидя в зале в момент события (если сам не убогий), ты его чувствуешь: Смоктуновский, Горовиц, Уланова...

Да... Мы стояли на сцене, и Галина Сергеевна рассказывала мне о позорном эпизоде в русской культуре, что произошел на ее и наших глазах. Прах великого русского артиста Федора Шаляпина перед перезахоронением на Новодевичьем кладбище партия и правительство запретили отдать в зале Большого театра.

Министерство боялось писем трудящихся: «За что такие почести эмигранту?»

– Стыдно! – говорила Уланова. – Даже хор не пригласили, обошли пластинкой.

Плоская, как граммофонный диск, жизнь окружала ее и нас.

Великий артист. Художник. Рыцарь движения.

Времена Шаляпина, времена Улановой...

Времена Ежова и Сталина, Хрущева и Брежнева...

Одни и те же времена. Наше время.

Параллельные движения мертвых (пусть они и дышат) правителей и живых людей не пересекаются.

«Пока» – напишу я для оптимизма.

35